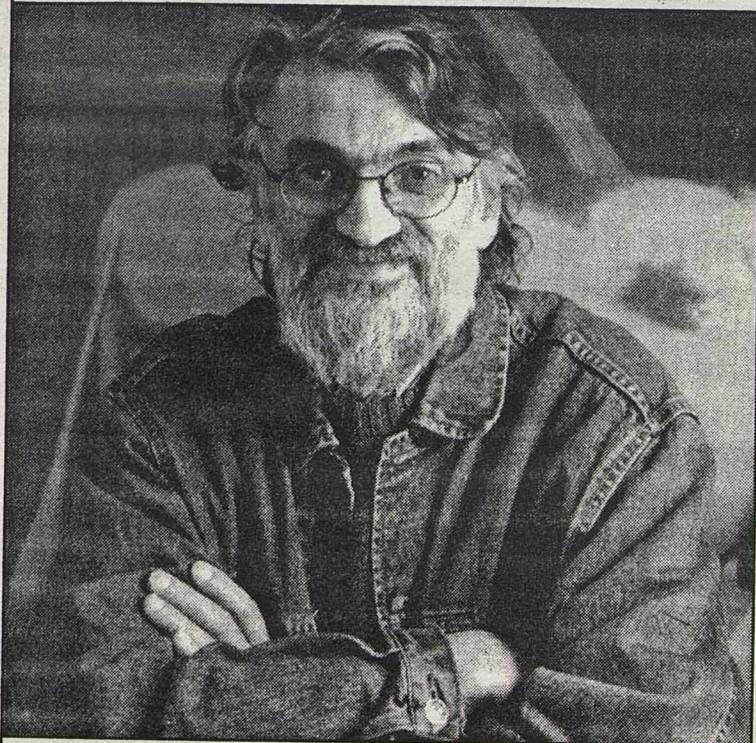

Владимир ЛЮБАРОВ:

В ПЕРЕМИЛОВЕ ДАЖЕ ВРУТ ПО-ДРУГОМУ

Веч. калед. - 2001. - 9 сент. - с. 7.

Владимир Любаров — москвич в первом поколении, в детстве — житель Замоскворечья (улица Щипок). Среди предков имеет харьковскую трактирщицу (бабка по линии отца) и картежника (дед). Выпускник суриковской школы. Маляр на автобазе. По окончании Московского Полиграфа оформил более ста книг: Гофман, Вольтер, Жюль Верн, По, Лем Гоголь... Был главным художником журнала «Химия и жизнь» и первого постсоветского частного издательства «Текст». С 1991-го — внутрироссийский эмигрант: переехал из Москвы в деревню Перемилово, чем несказанно прославил последнюю. Работы Любарова разошлись по разным музеям и частным коллекциям многих стран мира.

— Недавно держала в руках «Маску» Станислава Лема, вами оформленную. Какое удовольствие в наше время видеть такие книжные иллюстрации!

— Я человек очень увлеченный. Однажды чуть собственную квартиру не спалил. Оформлял многотомник Стругацких в «Тексте», и для первого тома мне понадобилось снять сорокпятьдесят спичек, воткнутых в одеяло. Идея такая: читатель открывает книжку — видит их горящими, а когда закрывает — обугленные, загнутые сгоревшие спички отбрасывают черные тени. Жгли мы спички, жгли, снимали-снимали и не заметили, как затлели занавески...

— С чего вы переехали в деревню? Ведь у вас была такая благополучная жизнь.

— А вы вспомните, что было в начале 90-х. Каждый день — потрясе-

за рубеж я попал раньше, чем в свою русскую деревню.

— Ну а все-таки, что дает жизнь в Перемилове? Неужели не тоскливо?

— Ну, прежде всего, у моей деревни есть своя история. На огороде слоями археология: копаешь грядку — вылезает какая-нибудь вещь XVII—XVIII веков. Говорят, название сама Екатерина Вторая дала: сослала, допустим, опостылевшего фаворита, «перемилого», и назвала... Правда, я эту этимологию сам придумал. Баграгион недалеко отсюда похоронен. А мой дом построен на пепелище. Соседи рассказали, что предыдущие владельцы дом свой подожгли сами, чтобы получить страховку и уехать в город — вот именно, что от тоски. Я в Перемилове веду крестьянскую жизнь и рисую. Все, больше там заниматься нечем. Тишина, мобильник не принимает, телевизор не принимает, даже телеграмм не носят. Вся страна кричит, когда отключают свет во Владимостоке. А тут его отключают на неделю — и ничего. Считается, что никого нету. Но работает чудесно. Я недаром всю серию назвал «Деревня Перемилово» — ей благодарность.

— А за рубеж ездили — тоже какие-нибудь серии появились?

— Была у меня серия «Амстердам». Съездил туда, вернулся в деревню, сделал картинки — в итоге получилась просто песня про район «красных фонарей». Как раз между сериями «Перемилово» и «Город Щипок».

— Был развее и город такой — Щипок?

— Нет, конечно. Реальное Перемилово расположено между двумя древними русскими городами: Переславлем-Залесским — это Ярославская область, и Юрьевым-Польским — это Владимирская. Плюс мое замоскворецкое детство. И получился провинциальный город Щипок, в котором прошлое и настоящее переплетены — и на самом деле, и в моих картинах.

— А откуда новая серия «Еврейское счастье»?

— В 1994 году был я в Антверпене. Прилетел, было уже темно — то ли поздний вечер, то ли ночь. Меня встречал представитель принимающей стороны, очень любезный, мы с ним чуть-чуть выпили за знакомство, но, повторяю, — чуть-чуть. Поселился я в гостиницу, на следующее утро просыпаюсь, выхожу на улицу — куда я попал? Вокруг — словно из книжки, хрестоматийные какие-то евреи: в черных шляпах, в черных пальто, в белоснежных рубашках и с длинными черными бородами. Выяснилось, что гостиница находится на углу еврейского квартала — но меня-то никто об этом не предупредил! А ведь и был, и внешний облик улиц, и магазинчики — все дру-

гое, чем в иных районах Антверпена! Помните, я вам уже говорил, что в деревне все по-другому? Ну вот и здесь тоже. Зрительное впечатление было потрясающее. Четыре года я его в себе растил, а потом принялся писать.

— Что-то они у вас на картинах какие-то совсем не заграничные.

— Мой мир — все равно мир российский. И вообще эта серия сложная,

многослойная. Я всегда сначала рисовал, потом думал. А в итоге получается — в одной руке Антверпен, в другой Перемилово.

— Интересно, жители Перемилова узнают себя на картинах?

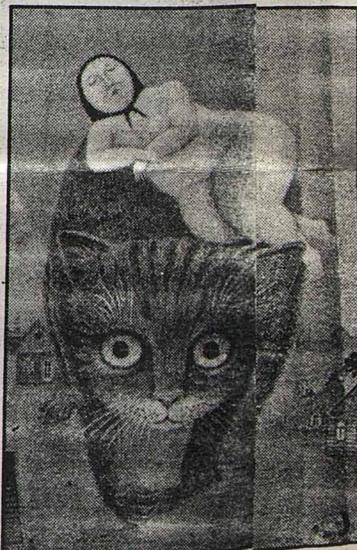
— Нет. Но на последней выставке ко мне подошел человек и сказал: «Вы, наверное, все это выдумали, а мы действительно существуем». В какой-то деревеньке, представьте, есть

такая еврейская община, где так и живут по своим тысячелетним законам. Эти общинники существуют очень замкнуто, никого к себе не пускают — боятся разрушения своего мира. Я их вроде бы выдумал, а они есть. Русских перемиловцев не выдумывал, а они себя не признают.

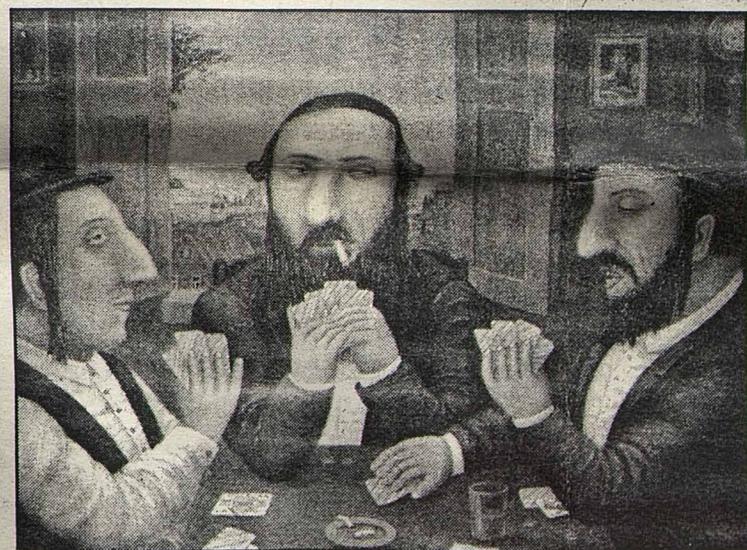
Встречалась
Вера КАЛМЫКОВА

Иосиф и Мария. 1998.

Ночь. 1996.

Игра по крупному. 1998.